

Примечания

¹ Иванов А.Е. Университетская политика самодержавия накануне Первой русской революции. 1899–1904. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

² Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX в. М., 1993; Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976; Яковлев В.П. Политика русского самодержавия в универси-

тетском вопросе (1905–1911). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971; Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017; Иванов А.Е. Высшая школа Российской империи XVIII – начала XX века. Избранные статьи. М., 2019; и др.

³ Мемуары графа И.И. Толстого / Публ. Л.И. Толстой, Р.Ш. Ганелина и А.Е. Иванова. М., 2002. С. 48–49.

Елизавета Хатанзейская

Дневник крестьянина Ивана Глотова*

Elizaveta Khatanzeiskaya
(HSE University, Moscow, Russia)

Diary of a peasant Ivan Glotov

DOI: 10.31857/S2949124X24040256, EDN: FEANLK

Книга, удачно названная «На разломе жизни», открывается обращением к читателям выдающегося историка С.О. Шмидта, в котором обозначено значение публикации: «Дневники, подобные глотовскому, являются первоисточниками для всех, причастных к краеведению, которое после беспощадного разгрома в 1920–1930-е гг. возрождается ныне как сфера научно-просветительской деятельности» (с. 5). Крестьянский дневник – довольно редкий вид исторического источника личного происхождения¹. Особенно редки такие дневники советской эпохи. Записки Ивана Глотова фиксируют традиции многовековой крестьянской культуры Европейского Севера России и одновременно суждения о жизни человека, многие годы прожившего в Петербурге. Погружаясь в текст, мы проходим жизненный путь автора – сначала северного селянина, затем городского

обывателя и заводского служащего, далее снова крестьянина, – находя на страницах дневника скудные сведения о трагической эпохе коллективизации, приведшей к разрушению устоев крестьянской жизни. Дневник прерывается на 1931 г., когда завершилась её первая волна. Свободная и радостная работа, способная прокормить большую крестьянскую семью, осталась в прошлом – ей на смену пришли тяжёлые трудовые повинности в обстановке нищеты и голода. Не случайно тем же годом заканчивается ещё один вельский дневник – горожанин Н.Е. Зенков записал: «На этом кончаю... нет ни тетрадок, ни бумаги. Буду записывать только выдающееся»².

Автор опубликованного дневника был не только достаточно грамотным, но и «книгоцеем», что неудивительно: большинство крестьян Поморья знали грамоту. Этому способствовали и распространение старообрядчества,

* «На разломе жизни»: дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области, 1910–1931 гг. / Подгот. публ. М.И. Мильчик, Г.А. Верёвкина. Изд. 2, испр. и доп. Вологда: Древности Севера, 2022. 448 с.

и товарно-денежные отношения, развитые здесь значительно сильнее, чем в центральной России. К тому же на Севере никогда не было крепостного права, поэтому многие крестьяне занимались не только межрегиональной, но и международной торговлей. Они практиковали и «отхожие промыслы» — выполняли в крупных городах (Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле, Архангельске) работы по строительству, устраивались на заводы и фабрики и благодаря своему трудолюбию нередко становились управляющими производством, что приобщало их к городской культуре.

Рукопись подготовлена к изданию автором многочисленных публикаций по истории культуры Европейского Севера России, выдающимся петербургским искусствоведом М.И. Мильчиком, а также сотрудниками Вельского краеведческого музея Г.А. Верёвкиной и М.А. Шумар. Мильчик обнаружил в музее этот уникальный источник ещё в самом начале 1970-х гг. Уже тогда его поразили «почти безупречная грамотность, красивый почерк, а главное — тщательное, можно сказать любовное описание сельскохозяйственных и плотницких работ, богатство народной лексики» (с. 6). Однако в то время о его издании не могло быть и речи — семья Глотовых принадлежала к числу раскулаченных, а драма коллективизации в исторической науке и публицистике оставалась под запретом. Опубликовать дневник удалось в 1997 г. в серии «Библиотека русского этнографа» при поддержке Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН³ как источник по истории крестьянской семьи, истории Пезмы, её микро- и гидротопонимике. Публикацию отличали существенные лакуны: отсутствовало начало — записи до 1915 г., записи 1916–1917 гг., когда Глотов жил в Петрограде, 1925, 1927 и сере-

дины 1929 гг. К счастью, после выхода книги в Вельский музей поступили ещё две части дневника от внуков Глотова. Рассматриваемое издание, как результат, состоит из трёх частей, публикуемых в хронологической последовательности, что позволяет восстановить, по существу, весь источник.

В предисловии к книге Мильчик представил подробный обзор опубликованных крестьянских дневников и их источниковедческих особенностей. Известные науке источники такого рода имеют преимущественно северорусское происхождение и относятся к концу XIX — первой половине XX в. Однако лишь немногие из них уделяют внимание происходившему в мире, большинство концентрируется на семейной и хозяйственной жизни. Повествование Глотова во многом сходно с летописным жанром (фактография ежедневных событий), иногда с приходно-расходными записями, по которым мы можем судить об уровне и образе жизни автора дневника. Он начинается с краткого описания жизни автора (с. 51). Глотов родился в 1873 г., «учился грамоте в Пежемском двухклассном сельском училище 5 лет, окончил по образованию 3-го разряда учителя». Воинскую службу (один год и два месяца) проходил писарем в г. Мышкине Ярославской губ. С декабря 1895 г. по апрель 1896 г. жил дома, в деревне. Последующие записи свидетельствуют о том, что автор несколько раз отправлялся на «отхожие промыслы» в Ярославскую губ., где работал на строительстве железной дороги Ярославль—Рыбинск, затем вернулся на зиму домой, а в апреле 1897 г. «ушёл на стройку Вологодско-Архангельской железной дороги». После каждого похода он делал приписку: «Денег дал в хозяйство 30 руб.». Далее Иван принял решение отправиться в Санкт-Петербург, устроился на завод Н.Н. Струка

и проработал там до 1918 г. — сначала рабочим, а затем конторским служащим. В 1915–1916 гг. он оформлял на заводе военные заказы.

В столице жизнь Глотова стала самодостаточной и окончательно обрела смысл: он устроился на достойную работу, а в 1906 г. женился на Таисии Михайловне — девушке из соседней деревни, жившей «в услужении». Сравнительно высокий уровень дохода позволил ему снимать хорошую квартиру на Выборгской стороне, пользоваться услугами портного, лекаря и извозчика, покупать статусные вещи и дорогие подарки супруге. При этом ему удавалось каждый год посылать деньги родителям в деревню. В Петербурге у супругов один за другим родились четверо детей (выжили трое: Михаил, Анатолий и Зинаида); позже, уже в деревне, родилась дочь Мария.

На страницах дневника Глотов предстаёт перед нами заботливым мужем и отцом, для которого не существует мелочей. У читателя возникает образ человека долга, высокой и устойчивой нравственности, сильной веры и порядочности. Ежедневные бытовые зарисовки, состоящие в основном из покупок, забавно переплетаются с ценными замечаниями о хозяйственных навыках и здоровье человека: «Наше сердце. Сердце нормального человека в среднем делает в минуту 70–86 ударов, по возрастам число ударов изменяется следующим образом» (с. 105).

В 1917 г. жизнь в столице резко подорожала и стала опасной. Ещё в 1915 г. Глотов отправил семью в родную деревню, возможно, поэтому и сам решил вернуться. В начале марта 1918 г. получил расчёт и уехал в Пезму вести собственное хозяйство. Это спасло семейство от голода и чекистского произвола, свирепствовавших в Петрограде в те годы.

Примечательно, что события большой истории отражаются в дневнике лишь в связи с изменениями в частной жизни. Например, война сказалась задержкой поездов и беспокойством о близких. Почти полное отсутствие рефлексии, размышлений и рассуждений о происходящем — характерная черта крестьянских дневников, которая здесь проявилась в полной мере. Например, о Первой мировой сказано так: «Война всё продолжается, взяли уже ратников 2 разряда, срока призыва с 1910 по 1916 г. Работы для государственной обороны на заводах, а равно и специально приготовленных на время войны мастерских от военных комитетов и высших учебных заведений идут усиленно. Все граждане стараются что-либо сделать для обороны государства и солдат. Прожитие стало дорогое, как в столице, в больших городах и провинции дорого, но и недостаток почти во всём, хлеб 5 коп. ф[унт], ситный 15 коп. ф[унт], булки французские — вес очень маленький, но достать трудно, ждать в череду, мясо тоже в череду, достать можно два раза в неделю по 28 к[оп]. ф[унт], телятина 60 к[оп]. ф[унт], кура 2 р[уб]., баранина 40 к[оп]., колбаса варёная чайная 1 р[уб]. ф[унт], сахарный песок 20 к[оп]. ф[унт], сахар головной 22 к[оп]. ф[унт], но купить сахар нужно стоять в череду 5–6 часов и получить можно только 2 ф[унта], дрова березовые длиной 8 вершков за сажень 19 руб. 00 коп., молоко бутылка в два чайных стакана 15 коп. Вообще прожить очень дорого, но зато себе не позволяешь лишнего, только и заботишься достать чего нет, чтобы дети не остались голодными» (21 ноября 1915 г., с. 105).

Подробные записи о хозяйственной и семейно-бытовой жизни в Петрограде превратились в скупые и даже скудные записи о деревенской жизни 1918–1921 гг.: «12 октября 1918 г. помер брат Афанасий. С 1 ок-

тября приступили к общему переделу всей деревней податной и луговой земли сроком на 20 лет с уравнием через 10 лет. Я получил на одну душу» (с. 127). С 1919 г. упоминаются трудовая и гужевая повинности: «В 1919 г. в феврале месяце наряд песку тракт Вельск—Коноша. Осенью 1919 г. был в наряде 9 суток с лошастью в военном обозе, делал две поездки: 1 — до Пустыньги за Вельск, вторая — до Ровдино к Архангельску» (с. 127). Регулярно фиксировались явления природы, связанные с хозяйственным календарём, например: «Весна 1920 г. была ранняя, 25 марта вынесло лёд в Пежме. 10 апреля поехали сеять овёс, 17 апреля был выпущен скот на волю» (с. 127). Записи о природе и погодных явлениях вообще занимают в дневнике существенное место. В отличие от хозяйственной жизни и проблем, связанных с обеспечением семьи, к политике автор почти равнодушен: «1 июня по-новому стилю по избранию в исполкоме избран членом на 6-й крестьянский съезд, пробыл там до 9 июня» (с. 128). 1 марта 1921 г. Глотова избрали от деревни председателем сельского посевного комитета, что почти никак не отразилось в дневнике, зато записано: «В весну 1921 г. выехал орать 3 апреля по ст. ст. в Бор в полянку» (с. 128).

В дневнике нашли отражение реалии «военного коммунизма»: галопирующая инфляция, снижение роли денег как всеобщего эквивалента. К примеру: «Ездили в село и в кооперативе выменял на жито 50 ф[унтов] соли, фунт за фунт. Тая посолила мясо» (13 марта 1922 г., с. 149). Или: «На апрель месяц курс довоенного рубля 200 000 р[уб].» (28 марта 1922 г., с. 150). Одновременно в деревне сохранялись черты прежнего жизненного уклада: часто упоминаются посещения церкви и пиры в честь того или иного православного праздни-

ка. Однако автор регулярно отмечает смутное беспокойство по поводу изменений в жизни, свидетельствующих о переменах к худшему. Например: «Святая Пасха — Светлое Христово Воскресенье. Ходил в церковь. Ночью погода ветреная, но чистая. В церкви во время службы в алтаре горела 25-ти свечевая керосиновая лампа, и под аркой между алтарями горела такая же лампа, свечей горело очень немного, в большом висячем паникадиле-люстре горело только три свечи, перед Голгофой одна лампадка вместо свечей. Люди стояли без свечек за утреней» (3 апреля 1922 г., с. 150).

Коллективизация привела к краху крестьянского мира. В записи от 1 сентября 1928 г. читаем: «Было собрание: одни пошли в коллектив, в общину... и 9 семей на выселок, в том числе и я» (с. 267). 30 апреля 1929 г. уже «насильственно постановили произвести классовый передел земли» (с. 314). В Пежме начались бесконечные собрания и комиссии по пересмотру наделов покосной и огородной земли, деление крестьян по степени зажиточности, единоличников обложили непосильными налогами (они в 10 и более раз превышали налоги колхозников). Глотов многократно обращался в исполком с просьбой о переводе «из зажиточных в крепкие середняки», но всякий раз получал отказ, с горечью отмечая: «Знал бы всё это — не стоило бы унижаться» (с. 347). Это редкий случай яркого эмоционально-оценочного суждения. В целом же Глотов фиксировал события коллективизации почти без оценок, принимая их неотвратимость как явления природы. Сдав по продразвёрстке весь хлеб, он отметил: «Выгреб из ступ и привёз домой муку из круглины и разного мусора» (с. 348). Вскоре была продана корова, а семья получила штраф, на оплату которого средств не нашлось: описали всё имущество, вплоть до «пиджака серого»,

«жакетки женской» и «ковшика медного». Лишь спустя полгода, когда под угрозой оказалось само существование семьи, на страницы дневника прорвалось: «К вечеру положение обострилось. Пришла весть, что вновь вводят в кулаки и выселение неизбежно. Вся энергия к работе упала и жизнь стала нерадостной» (с. 349).

5 ноября 1929 г. Гловтов подал жалобу председателю ЦИК СССР М.И. Калинину на то, что его принудили сдать сельхозналог наряду с кулаками, тогда как формально он относился к зажиточным середнякам: «Положение моё самое тяжёлое и безвыходное — с семьёй остаться на голодовку» (с. 350). Будучи крепким и работающим хозяином, нажившим имущество непосильным трудом, в годы коллективизации он потерял всё, пережил голод, унижения и жуткий страх за семью («Вся семья унылая, больная, загнанная» — 17 декабря 1929 г. (с. 350)). 14 февраля 1930 г. пленум Пежемского сельсовета объявил Глотова кулаком и «лишенцем»⁴. Несмотря на это, они с женой не побоялись поставить подписи под обращением в защиту священника Божоявленской церкви Александра Голубцова, который служил там с 1913 г. (с. 350). Вскоре батюшку арестовали и расстреляли, а после смерти последнего священника Николая церковь разграбили и закрыли.

Итогом коллективизации стал страшный голод 1932–1933 гг., который охватил не только хлеботорные районы СССР, но и Европейский Север, о чём написано значительно меньше. При этом руководство страны не снизило планы по сдаче государству зерна, шерсти, мяса и другой продукции, не говоря уже о помощи голодающим. На глазах Глотова раскулачили семью его покойного брата Анатолия, сослав всех её членов на Соловки, многочисленных (самых

трудолюбивых и достойных) соседей. Семью самого Ивана эта участь миновала: 11 июня 1931 г. Гловтовы записались в артель «Красная звезда», при этом дом, двор, плуг и скот у них отобрали (с. 385). Дорогие сердцу работы на земле сменились многочисленными бессмысленными собраниями, где обсуждались вопросы самообложения, займов индустриализации и т.д. Немного позднее Иван стал счетоводом, а Таисия — овощеводом, в колхозе они и проработали до конца жизни. На Великую Отечественную войну ушли двое их сыновей (один из которых, Анатолий, погиб незадолго до Победы) и два зятя.

Помимо текста дневника, издание содержит фотографии семьи Глотова, географический и топонимический указатели, словарь местной лексики и специальной терминологии, карты-схемы южной части Вельского уезда, список селений его Никифоровской волости с указанием принадлежности к сельским обществам и приходам, вступительную статью Мильчика и сотрудников музея с описанием хода коллективизации в Вельском районе и рассказом о дальнейшей судьбе Ивана и его семьи. Также в книге приведено несколько документов эпохи, в частности письмо агронома села Дмитриево В.У. Попова своему брату, работавшему в те годы секретарём Черевковского райкома ВКП(б) и возглавлявшему коммуну «Большевик» в Великом Устюге «О ходе коллективизации в селе Дмитриево (Алферовской) Устьянского района Архангельской области» от апреля 1930 г. (с. 440–441) (оба брата были расстреляны в 1938 г. «тройкой» НКВД по Архангельской обл., а в 1956 г. реабилитированы за отсутствием состава преступления). Это очень личное и искреннее письмо рисует яркую картину хода коллективизации, поразительно совпадающую с описанным

в дневнике Глотова. Коллективизация на Севере стала не менее масштабным явлением, чем в хлебородных и скотоводческих районах страны, и тоже привела к чудовищному голоду в связи с лишением крестьян возможности жить своим трудом, целенаправленным и планомерным разрушением многопрофильного хозяйства Севера с целью его советизации. В планах руководства страны роль региона сводилась лишь к развитию лесозэкспортного комплекса для создания «золотовалютного резерва страны»⁵.

Дневник И. Глотова — ценнейший источник по микро- и гидротопонимике, лингвистике (особенности местного говора прокомментированы публикаторами и восходят к былинной древности). Свообразие повседневности и быта жителей северной глубинки оказалось уничтожено коллективизацией, богатейшие северные сёла стали рядовыми советскими населёнными пунктами, усреднёнными в экономическом и культурном отношении с остальной Россией, а в 1960-х гг. многие из них и вовсе объявили «неперспективными». К настоящему времени уже невозможно восстановить исчезнувший пласт культуры с его органичной экономикой, размеренным, но при этом эффективным хозяйственным укладом жизни, говорами, песнями, деревен-

скими праздниками, удивительной архитектурой, созданной безымянными зодчими. Всё это было доступно лишь носителям этой культуры, жившим когда-то на северной земле. Много веков назад они смогли превратить тайгу в цветущий оазис. Исторические источники, подобно дневнику Ивана Глотова, напоминают современному читателю о драме XX столетия, которая привела к разрушению этого мира.

Примечания

¹ Исключение составляют несколько дневников: *Маркелов Г.В.* Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома // История от первого лица. Мир северной деревни начала XX в. в письменных свидетельствах сельских жителей. Архангельск; М., 2011; Мужской род. Первое лицо. Единственное число: дневники Д.И. Лукичёва и Д.П. Беспалова. СПб., 2013.

² Цит. по: *Мильчик М.И.* Предисловие // На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области, 1915–1931 гг. М., 1997. С. 10–11.

³ На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова...

⁴ Согласно Конституции СССР 1924 г., лишённые избирательных прав лишались также права на труд на советских предприятиях и в учреждениях, на образование, медицинские услуги, социальные пособия, пенсии и др.

⁵ Подробнее см.: *Хатанзейская Е.В.* Советский город в экстремальной повседневности: Архангельск в годы индустриализации и Второй мировой войны. М., 2021.